

ГОЛОСА ЭЛЛАДЫ

Театр

В Ленинграде играют греческие артисты — Пирейский театр трагедии, руководимый режиссером Димитриосом Рондирисом. На сцене — творения Софокла и Еврипида. Они увлекают не зрелищной помпезностью, а духовной силой, вызывают интерес не реставрацией древнего искусства, а обновлением его величавой красоты.

Скупы, но выразительны сценические формы спектаклей, поставленных Д. Рондирисом. Свет вспыхивает ярко и сильно, когда на сцене на фоне строгого здания появляется непримиримая Электра или бунтующая Медея. Мрак, как непроницаемое облако, низко опускается над действующими лицами трагедии, когда Медея ринется осуществить план своей нечеловеческой мести. На фоне черного проема широко раскрытых дверей особенно выпуклой, скульптурной становится фигура страдающей дочери Агамемнона; и возникающая высоко, у самого потолка, озаренная слепящими лучами прожекторов, уже не человеком, а как бы жестоким призраком представляется колхидская волшебница, умертвившая своих детей.

Дыхание древней Эллады в спектаклях Пирейского театра оживлено искренностью чувств современных артистов. Это прежде всего относится к великолепной трагедийной актрисе Аспазии Папатанассиу.

Ее Электра — одетая в темное, бледная, измученная — не способна склониться перед властью имущими. С глазами, которые временами словно выплаканы горем, но тут же загораются буйным и чистым пламенем, она — олицетворение мужества и духовной силы. Уже в первом крике за сценой страстно звучит голос актрисы — его модуляции передают и неудержимую волю, и горестное отчаяние героини Софокла. Для актрисы важно, что мстительная Электра — существо, созданное для чувств высоких и прекрасных; словно ребенка, обнимает она урну, в которой, как ей сказали, находится прах ее брата Ореста. В эти мгновения Электру переполняет огромная нежность, льющаяся через край. Дочь Агамемнона теперь является олицетворением женственности.

Преданная памяти убитого отца, Электра у Софокла во имя долга вдохновила Ореста на жестокую месть, и он стал убийцей матери. Брат и сестра были движимы законами и велениями рока, который позже обратится против самого Ореста, и он узнает страшные муки совести... Быть может, Пирейскому театру следовало показать в финале трагедии не только торжество победы героев, но передать и предчувствие их бу-

дущего. Этим театр сблизил бы свою «Электру» (на мой взгляд, закономерно) с идейным содержанием «Медеи».

Роль Медеи начинается также криком отчаяния, звучащим у Аспазии Папатанассиу с огромной силой, и, подобно Электре, героиня Еврипида восстает против зла. Актриса изображает гордую и отважную натуру — ее Медея за свои поруганные женские и человеческие права борется убежденно и непреклонно. Но Папатанассиу показывает, как гнев временами делает Медею злобшей, хищной. Чуть отведенные назад руки — на миг становятся как будто тяжелыми, и пальцы, кажется, готовы схватить жертву. Вот, как молния, на секунду вспыхивает в Медее победное торжество, чтобы тут же скрыться от взоров окружающих. И в этом торжестве сказывается не только сила человеческой на-

и других исполнителей «Электры» и «Медеи», которым иногда недостает подлинной трагедийной силы и выразительности. Но великолепным по проникновенности и мастерству исполнения является Хор (хореограф Луккия).

Как вечно движущееся море, как непрестанно меняющий свои дуновения ветер, Хор, окружающий Электру и Медею, передает малейшее изменение трагедийных ситуаций. Его уловимое движение ступни, легкие повороты шеи и плеч, неслышимый шелест простой холщовой одежды, внимательные, сосредоточенные взгляды каждой из участниц Хора выражают развитие действия и создают в спектакле тот единый ритм, который захватывает зрителя. Вздохи, вырывающиеся из груди, голоса плакальщиц и подруг, то предостерегающие, то призывные движения — все подчинено единой

туры, но также и ее искажение. Ибо гнев Медеи, из мести убившей собственных детей, ослепил ее, сделал глухой к призывам Хора — к призывам народа — не нарушать закон материнства, закон бессмертной человечности.

Потрясают моменты, когда Медея — Папатанассиу в порыве любви и горя обнимает своих сыновей, двух беспомощных мальчиков, и Хор в эти минуты спектакля застывает в надежде и ожидании: победит ли человечность? Но нет, мстительница неумолима, беспощадным огнем пылают ее глаза, и тело будто сводит судорога. Жажда мести оказывается сильнее материнской любви; и потому девушки-коринфянки закрывают свои лица, — глубоко понимающие и жалеющие Медею, они не соглашаются с нею, не могут вытерпеть ее злодеяние. Актриса изображает героиню Еврипида во всей сложности характера, то вызывая сочувствие к ее судьбе, то ужасая.

Есть большая дистанция между искусством Аспазии Папатанассиу

мысли, сливается в удивительную гармонию.

Хор действует в полной согласованности с игрой героини. Крик отчаяния Электры как бы продлевается движением зізломленных за голову рук микенских девушек. Страшные мстительные мысли, вспыхивающие в глазах Медеи, заставляют окружающих ее коринфских женщин то тянуться к ней с мольбой, то в ужасе закрыть лица ладонями. И что самое главное — в поведении Хора действительно ощущаешь голос народа.

Гастроли греческих артистов продемонстрировали перед нашими зрителями новые стороны и черты мирового сценического искусства. Бессмертные традиции классики возникли в спектаклях Пирейского театра сильно и проникновенно.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На снимке: сцена из спектакля «Медея» в постановке Театра греческой трагедии.

Фото Г. Чертова